

АНДРЕЙ ГУСАРОВ

Татчина

ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ I
ОСНОВАТЕЛЮ ПАВЛОВСКА
1672 года

ОТ ПРОШЛОГО
К НАСТОЯЩЕМУ

ИСТОРИЯ ГОРОДА
И ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

**Андрей Юрьевич Гусаров
Гатчина. От прошлого
к настоящему. История
города и его жителей
Серия «Всё о Санкт-Петербурге»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3945845

*Гусаров А.Ю. / Гатчина. От прошлого к настоящему. История города
и его жителей.: Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03390-1*

Аннотация

Вам предстоит знакомство с историей Гатчины, самым большим на сегодня населенным пунктом Ленинградской области, ее важным культурным, спортивным и промышленным центром. Гатчина на девяносто лет моложе Северной столицы, но, с другой стороны, старше на двести лет! Эта двойственность наложила в итоге неизгладимый отпечаток на весь город, захватив в свою мистическую круговерть не только архитектуру дворцов и парков, но и истории жизни их обитателей. Неповторимый облик города все время менялся. Сколько было построено за двести лет на земле у озерца Хотчино и сколько утрачено за беспокойный XX век... Город менял имена – то Троицк, то Красногвардейск, но оставался все той же Гатчиной, храня истории жизни и

прекрасных дел многих поколений гатчинцев. Они основали, построили и прославили этот город, оставив его нам, потомкам, чтобы мы не только сохранили, но и приумножили его красоту.

Содержание

Введение	7
Часть первая	15
Глава 1	16
Глава 2	49
Глава 3	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Андрей Гусаров

Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей

Введение

История Гатчины – крупнейшего города Ленинградской области – уходит своими корнями в далекое прошлое. И хотя официально статус города ей был пожалован только в 1796 году, первые упоминания об этом населенном пункте, лежащем в сорока пяти километрах южнее Санкт-Петербурга, относятся к началу XVI века. Получилось так, что, с одной стороны, Гатчина на 90 лет моложе Северной столицы, но, с другой – старше на двести лет. Эта двойственность наложила в итоге свой неизгладимый отпечаток на весь город, захватив в свою мистическую круговерть не только архитектуру дворцов и парков, но и истории жизни их обитателей. Об этих противоречиях писал еще в 1915 году художник и архитектор Николай Евгеньевич Лансере: «Когда она принадлежала блестящему любимцу императрицы (Г.Г. Орлову. – *Прим. авт.*) – здесь возводилась суровая, строгая, почти что „скуп-

ная” своим однообразием архитектура! Когда же она перешла во владение цесаревичу (Павлу I. – *Прим. авт.*), связавшему жизнь формальностями, военной дисциплиной, навязавшему чуждый русским „пруссский дух”, понастроившему всюду гауптвахты, казармы и заставы, – тогда постройки поражают то сочными профилями, великолепием и величественностью, то, наоборот, изящной отделкой, тонким вкусом и милой уютностью».

И верно, граф Григорий Орлов не успел, да и не смог бы из-за финансовых проблем закончить строительство и отделку своего загородного имения в Гатчине, и, может быть, поэтому «скучна» архитектура Большого Гатчинского дворца второй половины XVIII века. Ведь не можем мы сказать то же самое о Мраморном дворце – городской резиденции знаменитого фаворита, хотя автором обеих построек был один и тот же архитектор – Антонио Ринальди.

Павлу I Гатчина обязана своим вторым рождением, уже в статусе города, который должен был, по мнению монарха, стать образцом для всех городов Российской империи. Может быть, в этом отчасти и кроется ответ на вопрос, заданный Лансере, и лучший город должен был иметь и лучший дворцово-парковый ансамбль с утонченной изящной отделкой. Дворец, которым будут восхищаться гости великого князя, место, где не властвует формализм обычной жизни, царские чертоги, созданные на радость императору огромной страны.

На этом не заканчиваются специфические гатчинские противоречия, мистическим образом влияющие на всех, кто соприкасается с городом. После покушения террористов на императора Александра II семья нового государя Александра III бежит в этот городок, запирается в маленьких комнатках с низенькими потолками Большого Гатчинского дворца, расположенного в парке, больше напоминающем лес, где за каждым деревом сидит неусыпный страж. Этим добровольным заточением императорской семьи прославится Гатчина (в который уже раз), с одной стороны, такая безопасная и мирная, с другой – неприветливая и далекая от столицы.

После 1917 года богатейший пригородный дворец подвергся настоящему разграблению – в конце 1920-х годов новыми властями из музея в неизвестном направлении было вывезено более 100 тысяч экспонатов. Казалось, что по дворцовым залам и комнатам пронесся ураган, к 1941 году там оставалось всего 54 тысячи бесценных предметов, большинство из которых были утрачены во время Великой Отечественной войны. В послевоенное время музейные работники провели опись уцелевшего музейного имущества и выяснили, что ко второй половине XX столетия Большой Гатчинский дворец, уже в ранге музея, пришел с 15 тысячами единиц хранения, что составляло меньше 10 % от богатств, накопленных бывшими владельцами. Сейчас музей восстанавливает утраченные интерьеры и собирает по крупицам свою

коллекцию.

С Екатерининских времен шло планомерное строительство Большого Гатчинского дворца, известного ныне на весь мир. Причем помимо возведения самого великолепного дворцового здания, больше похожего на средневековый замок, мастера разбивали обширные пейзажные парки, зодчие возводили павильоны и многочисленные мостики, связывающие искусственные и природные островки местных озер в единую цепочку, обустраивались берега прудов и рек, появлялось все то, что ныне составляет особенность Гатчины, ее неповторимость и притягательность.

В отдаление от дворца на потеху царственных особ устраивается Зверинец, специальный парк для охоты – излюбленного развлечения нескольких поколений русских государей. Царская охота процветала в Гатчине все время существования монаршей власти и канула в Лету в 1917 году, оставив лишь непроходимые дебри огромных парковых территорий Зверинца и воспоминания участников этой забавы.

Волею судеб Гатчина стала летней резиденцией католического ордена Госпитальеров, который расположился в удивительно простом и неповторимом Приоратском дворце – шедевре архитектора Н.А. Львова. Яркая, но недолгая история Мальтийского ордена в России связана с маленьким городком на реке Теплой (Гатчинке).

Остров Любви со знаменитым павильоном Венеры, парк Сильвия, – всё это, словно по мановению волшебной палоч-

ки, переносится из аристократической резиденции Шантильи под Парижем, столь поразившей своими дворцами и парками наследника престола Павла Петровича во время его путешествия по Европе в 1782–1783 годах, с теми же названиями и формами.

Дворцовый парк. Белое озеро

Целое созвездие зодчих и садовников трудились над всем этим великолепием. Над строительством дворцовых построек работали архитекторы А. Ринальди, В. Бренна, А.Д. Захаров, Н.А. Львов, А.Н. Воронихин и Р.И. Кузьмин; садами

и парками Гатчины занимались мастера из Британии Джон и Чарльз Сперроу, а также Джеймс Гакет; в городе строили Н.А. Львов, Д.И. Квадри, С.С. Кричинский, Л.М. Харламов и другие.

С самого начала город Гатчина строился вокруг дворцово-паркового ансамбля, и по замыслу отца-основателя – великого князя Павла Петровича, должен был стать лучшим городом Российской империи, образцом для всей страны. Словно осажденная крепость, в окружении многочисленных постов стражи, шлагбаумов и запертых на замок въездных ворот возводился образцовый город, где жизнь, распisanная лично Павлом, застыла в параграфах циркуляров, уставов и регламентов. Прав был художник Лансере, когда писал, что взлетела Гатчина при сумасбродном и странном правителе Павле I на наивысшую высоту в своем развитии, но не смогла без него удержаться там и осталась в истории все той же павловской Гатчиной – городом, каким видел его только сам Павел Петрович.

Бурный XX век одарил город невиданными доселе техническими новшествами – электричеством, первой подводной лодкой, аэропланами и дирижаблями.

Первые лампочки Павла Яблочкова, разработанные этим талантливым русским военным инженером и предпринимателем в 1876 году (получил патент на изобретение), зажглись над плацем Большого Гатчинского дворца, но так и не получили распространения в самом городе – местные газеты

в 1910-х годах постоянно писали о проблеме с освещением гатчинских улиц.

Серебряное озеро Дворцового парка стало свидетелем первых испытаний подлодки инженера Джевецкого, а Военное поле перед дворцом (за железной дорогой) – место военных учений и парадов – в одночасье стало известно всей России, – Гатчинский аэродром. Это случилось благодаря бесстрашным первым русским авиаторам – зачинателям новой эры воздухоплавания – Михаилу Ефимову, Александру Васильеву, Лидии Зверевой, Сергею Уточкину и многим-многим другим.

Революционный 1917-й – забастовки, хаос и первые Советы. Город помнит последнего председателя Временного правительства Российской республики А.Ф. Керенского, которого пытался здесь арестовать страшный Дыбенко.

Весь XX век Гатчина сохраняла в себе привитые Павлом черты консерватизма, ставшие ее своеобразной визитной карточкой. Город менял имена – то Троцк, то Красногвардейск, но оставался все той же Гатчиной. Проявилось это и в бурные 1990-е годы, когда улицам и площадям повсеместно возвращались исторические названия, а Гатчина осталась в советском прошлом, неестественном для имени графа Орлова и города императора Павла I. До сих пор мы ходим по улице Юного Ленинца вместо Бомбардирской, а главный проспект города, отцом-основателем которого был Павел I, носит странное для него название 25 Октября.

Все та же гатчинская двойственность...

Наше путешествие по гатчинским дворцам, паркам и улицам и знакомство с их историей хочу предварить строчками местного поэта начала XX столетия А. Мейснера:

В часы, когда светло и жарко,
И тучек зыбкие следы, —
Люблю я гатчинского парка
Зелено-желтые пруды.

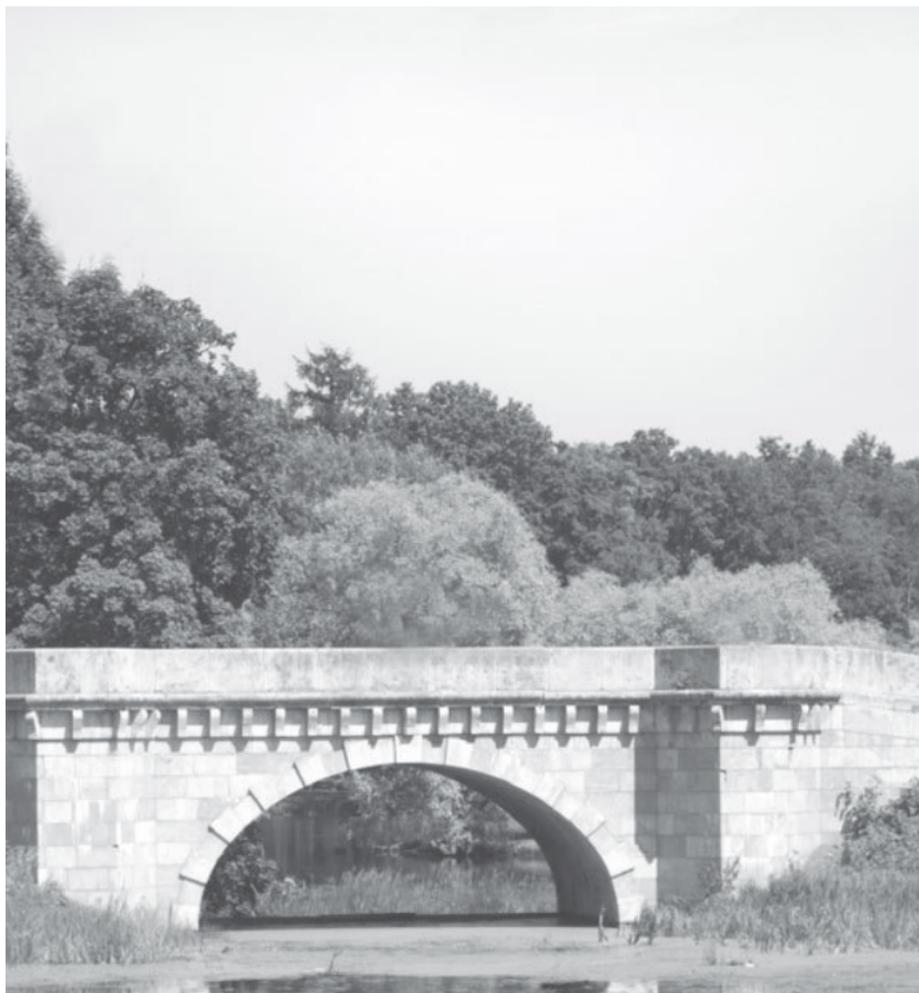
Хвоя с листвой так неопратно
В ветвях деревьев сплетены.
Их неразборчивые пятна,
Дробясь, в зыбях отражены.

И там же, довершив природу,
Раскинув водорослей стан...
Как будто с лодки бросил в воду
Свою палитру Левитан.

Вдали от Невского болота
Как чуден этот уголок,
Где есть задумчивое что-то
И что-то, чуждое тревог!..

Часть первая

Гатчинский дворцово-парковый ансамбль

Глава 1

«Село Хотчино над озерком над Хотчиным...»

У Гатчины две даты рождения, одна из которых известна доподлинно – 11 ноября 1796 года, а вторая скрыта от нас в тумане веков, ведь археологические находки на территории современного города датируются XIII веком. Следовательно, уже тогда, в далекие времена Александра Невского, жизнь в этих краях уже была.

Прибалтийские и приневские земли после отступления ледника были мало заселены, и процесс возникновения новых поселений был достаточно трудным и долгим. В I веке уже новой эры в этих местах появляются племена воль и чудь, западную часть заселяют эсты, ижоры и карелы. Первые поселения наших предков-первопроходцев – ильменских словен, возникают на невских землях в VIII–X веках. Первоначально они закрепились в районе озера Ильмень и реки Волхов. Близкие к ним псковские кривичи облюбовали в начале пути на восток реку Великую. Так возникли Великий Новгород и Псков.

Трудно точно сказать, какие народы жили на территории современного Гатчинского района. Так как население было здесь очень редким, то, скорее всего, оно было смешанным –

попадались как славянские деревни, так и финно-угорские, к которым и принадлежали все (кроме словен и кривичей) указанные выше народности. Местные жители занимались разведением скота и ловили рыбу, сеяли хлеб и собирали дикий мед. Ближе к Карельскому перешейку били пушнину, а на расчищенных от леса полях плавилы железо из руды, добываемой в болотах.

В 750 году появляется город Ладога – к середине IX века важнейший экономический центр не только большого региона, но и всего Северо-Запада. Со временем (в конце X в.) Ладога уступила первенство Господину Великому Новгороду, ставшему на четыреста с лишним лет самым большим и богатым государством Европы. Но территория, занятая современной Гатчиной, находясь в некоторой стороне от первых русских городов и знаменитого водного пути «из варяг в греки», развивалась медленнее и сравнительно долгое время оставалась малолюдной, к тому же она страдала от набегов викингов. «Повесть временных лет» сообщает, что население Северо-Запада изгнало (862 г.) скандинавов за море, отказавшись впредь платить дань: «В год 6367 (859). Варяги из заморья взымали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей... В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть...» Дальнейшее развитие этих земель связано с вечевой республикой.

Приветствую тебя, воинственных славян

Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженью
И сколько гордых душ увлек в свое паденье!..
– Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?

М.Ю. Лермонтов

Постоянное противостояние Новгорода со шведами, длившееся не одно столетие, отражалось и на землях в районе реки Ижоры, что протекает по современному Гатчинскому району. Но это была не единственная серьезная проблема для новгородских князей – Тевтонский орден активно продвигался к Новгороду со стороны Кенигсберга и Риги. Зимой 1240 года его армия овладела Копорским погостом, дошла до Невы, реки Луги и Новгорода. Контролировать такую большую территорию орден, конечно, не мог – в то время численность братьев-рыцарей вряд ли превышала 300 человек, но они, по свидетельству летописца, с удовольствием разграбили множество новгородских поселений. Воинские подразделения тевтонцев состояли из наемников, которых поставляли уже покоренные прибалтийские племена, но встречались среди них и славяне.

Остатки валов крепости Ям

Александр Невский. Фрагмент картины П. Д. Корина

Так, в 1240 году в захвате орденом Пскова участвовал князь Ярослав Владимирович, сын псковского правителя Владимира, имевший на Новгород давнюю обиду – вече изгнало его из города еще в 1232 году, лишив титула великого князя. Любые посягательства на земли Господина Великого Новгорода очень болезненно воспринимались жителями вечевой республики, поэтому местный князь Александр Ярославович выступил с войском к Чудскому озеру, где 5 апреля 1242 года состоялось сражение Новгородской дружины с крестоносцами, итогом которого стало поражение немцев. Но противостояние с тевтонцами продолжалось еще довольно долго, и хотя в 1284 году Новгородская республика подписала с орденом торговый договор, положивший конец военному противостоянию, «на всякий случай» в 1384 году на реке Луге для защиты западных рубежей была построена крепость Ям. Гораздо раньше, в 1279 году, появилась деревянная крепость в Копорье, но с возведением больших укреплений на Луге это фортификационное сооружение утратило свое значение, что отразилось на местных жителях – население в этой части Вотской пятины уменьшалось. Ко времени захвата московским князем Новгородской республики относятся первые сведения и о Гатчине.

Карта Новгородских пятин XVI в. Фрагмент

Данные о существовании небольшого поселения на реке Теплой (Гатчинке) к 1499 году и версию о возникновении названия «Гатчина» приводит в своей книге «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке» Константин Алексеевич Неволин.

Пятина как административная единица региона или области была особенно популярна в Господине Великом Новгороде и в Пскове, хотя встречалась и в других древнерусских княжествах. Что же она собой представляла? Область просто делили на пять частей, каждая из которых и называлась пятиной, а конкретно в Новгороде они носили следующие названия: Водская, Шелонская, Обонежская, Деревская, Бежецкая и вели свою историю из далекого прошлого этой славянской земли. Среди множества сел и деревень, подчиненных Великому Новгороду, в писцовой книге Вотской пятины за 1499 год попадаетея некое Хотчино: «В Дятелинском же погосте Великого князя волости и села и деревни за детьми за боярскими в поместья. Значатся... село Хотчино над озерком над Хотчиным... дер. Зогозка на Хотчине». Сейчас довольно трудно определить, является ли село Хотчино тем самым, откуда пошла современная Гатчина, но многие факты, кроме близкого по звукам названия, указывают на справедливость данного утверждения. В той же

писцовой книге далее упоминаются населенные пункты вокруг Гатчины, в то время расположенные близко к селу Хотчино, – село Парицы, сельцо Пудость, деревня Залесное Замостье (Малое Замостье), Войковичи (Войсковицы) и некоторые другие. Но на современной карте города нет озера с названием Хотчино или Гатчино, а из трех городских озер, пожалуй, только Черное лучше всего подходит на роль того самого, из летописи. На этот природный объект указывает и вторая деревня из перечня писцовой книги 1499 года – Зогозка, которая ныне стала городским районом с названием Малая Загвоздка. Белое и Глухое (Филькино) озера мы не рассматривали в качестве претендентов, так как они оба имеют более позднее искусственное происхождение, озеро Серебряное слишком мало, а другие гатчинские водоемы расположены далеко от рассматриваемой нами территории. Мы, конечно, еще вернемся к истории водных систем Гатчины, когда будем знакомиться с ее парками. А пока продолжим исследовать историю гатчинской земли.

Этимология названия села Хотчино, которое оно получило от расположенного рядом озерца, точно не установлена. Со временем первая буква в его названии изменилась, и к началу XVIII века мы уже имеем мызу Готчино, затем – Гатчино, и наконец, знакомую нам Гатчину. Интересно, что вокруг исторических метаморфоз с названием этого небольшого городка возникло множество красивых легенд.

Одна из них связывает названия озера и села с женским

именем Хочена, другая, более поздняя, была придумана писателем Василием Григорьевичем Рубаном и соотносит название города с немецким выражением «*Nat Schöne*», что переводится как «иметь красоту, иметь красивый (вид)». Еще одну, уже сказочную версию, происхождения названия привело на своих страницах известное в городе литературное издание «Гатчинский журнал». История относит нас к юным годам наследника престола Павла Петровича и его первой возлюбленной – местной девушки-ингерманландки, жившей на небольшой мызе рядом с Белым озером. Молодые люди тайно встречались ночью. Каждый раз, прощаясь с царевичем, девушка, стоя на берегу, кричала ему вслед: «Хаат, чин!» («Возвращайся, любимый!»), словно предчувствовала их скорую разлуку. Павел Петрович женился на немецкой принцессе и забыл свою первую любовь, а местные жители в память о ней назвали царскую мызу Хатчиной («Хаат, чин»).

Но все это только предположения и домыслы. Рассматривать же происхождение слова «Гатчина» не имеет смысла, ведь мы уже установили, что это производный топоним, имеющий, соответственно, более позднее происхождение.

В XVI–XVII веках территория будущего города Гатчины практически не развивалась: сказывались захват и аннексия Великого Новгорода Москвой, а также крайне неудачный для Руси Столбовский мир. По итогам Русско-шведской войны 1613–1617 годов большая часть Водской пятины, в том

числе и Ингрия (Ижорская земля), отошла Швеции, и территория стала заселяться прибалтийскими народами. Это, безусловно, коснулось и гатчинских земель.

В те времена основной деятельностью населения села Хотчино и близлежащих деревень оставалось земледелие. Населенные пункты были небольшими: от пяти до семи дворов, с избами, топившимися «по-черному», то есть печью без трубы, окна в которых «заволакивала» специальная задвижная доска. Понятно, что света сквозь такое окно проникало очень мало, но этот недостаток компенсировался специальным расположением оконных проемов.

С началом царствования Петра I началось и освобождение приневских земель от владычества Швеции. В результате сражения 15 августа 1702 года у реки Ижоры войска графа Петра Матвеевича Апраксина разбили шведскую армию; позднее пали крепости Шлиссельбург (Орешек) и Ниеншанц. В мае 1703 года была заложена крепость на острове Заячий, с которой пошел город Санкт-Петербург. Территория бывшей Водской пятины снова вошла в состав русского государства. В истории сельца Хотчино начиналась новая эпоха.

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко

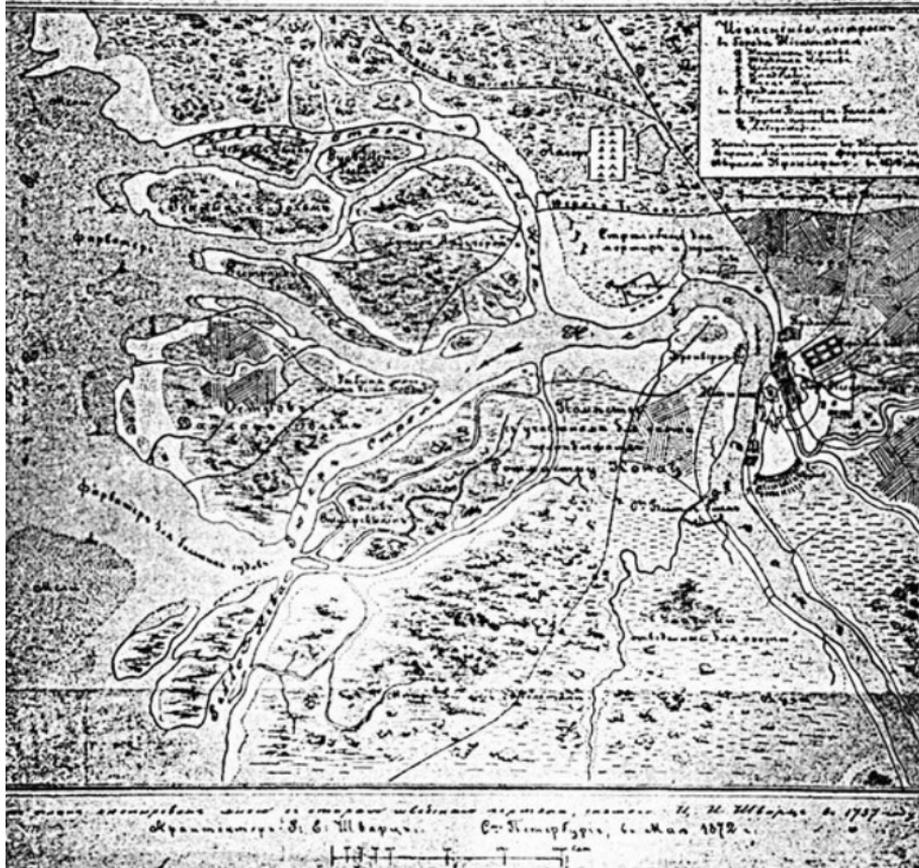
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел. И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назлом надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать на море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам...

А.С. Пушкин

В 1708 году указом царя Петра Алексеевича была образована Ингерманландская губерния, которая спустя два года стала называться Санкт-Петербургской. С 29 мая 1719 года губерния была разделена на провинции, и территория по реке Ижоре (Копорский уезд) вошла в состав Санкт-Петербургской провинции. И хотя местность эта была уже давно обжита, многочисленные болота, реки и дремучие леса окружали местные села и деревни. Со строительством новой столицы империи и возведением пригородных резиденций царской семьи и влиятельных сановников территории, примыкающие к Петербургу, становятся весьма востребованными и постепенно застраиваются и заселяются.

На карте Адриана Шонбека 1705 года уже нанесено поселение Гатчина, располагавшееся на территории нынешнего Приоратского парка. Эту мызу государь Петр Алексеевич подарил своей сестре царевне Наталье Алексеевне предположительно между 1708 и 1712 годами, и тогда же там начались работы по обустройству новой царской резиденции – мызы. Ее центральной постройкой был деревянный трехэтажный дворец, по типу того, что можно сейчас видеть в Стрельне. Рядом располагались избы дворовых людей. На территории поместья построили конюшни, скотный и птичий дворы, теплицы, погреба и другие хозяйственные постройки. Вокруг дома разбили сад с фруктовыми деревьями и ягодным кустарником, каждый год высаживались не только цветы, но и овощные культуры – мода Петровского времени. С этой царской мызы начинается история Гатчинского дворцово-паркового ансамбля.

Планъ местности
 занимаемой нынѣ С-Петербургомъ, снятый въ 1698 году
 до завоеванія ея Петромъ Великимъ,
 съ показаніемъ существовавшихъ на ней шведскихъ укрѣпленій

Приневскіе земли в 1698 г.

Наталья была любимой сестрой Петра I, постоянно под-

держивала его во всех начинаниях. Государь регулярно писал ей в Москву письма, делясь новостями и радостью военных побед. Предположительно в 1708 году Наталья Алексеевна переезжает в Санкт-Петербург, но часто навещается в Москву и подолгу живет там.

История жизни царевны в XX веке как-то позабылась, затененная биографией ее брата, которой хватило бы на десяток человеческих судеб. Петр и его сестра рано остались без отца – Алексей Михайлович скончался, когда будущему первому императору России было четыре года, а царевне Наталье – только три. Воспитанием детей занималась их мать, Наталья Кирилловна Нарышкина. В то время в России женщины были практически лишены возможности получить образование независимо от их статуса. Только став взрослой, царевна сможет заняться изучением всевозможных наук, отдавая предпочтение истории и литературе. В итоге Наталья Алексеевна стала одной из самых образованных женщин России начала XVIII века. Но особой ее страстью был театр.

Петр I Алексеевич

С 1690-х годов на женской половине дворца в Москве она начала ставить домашние спектакли; их сюжетами были сцены из Священного Писания или жития святых. В 1706 году в Преображенском была осуществлена большая постанов-

ка с участием домашней челяди и слуг. Многие в то время шло от Немецкой слободы, где Петр, часто бывал в сопровождении любимой сестры. В новой столице в своем доме Наталья Алексеевна организовала театр, для которого сама писала пьесы, а иногда и выступала в роли режиссера-постановщика. В архивах сохранились рукописи ее творений: «Святая Евдокия», «Хрисанф и Дария», «Комедия о святой Екатерине» и «Цезарь Оттон». К 1714 году на углу Сергиевской улицы и Воскресенского проспекта в Петербурге появилось свое театральное здание, с ложами, партером и сценой, к строительству которого царевна Наталья Алексеевна имела непосредственное отношение. За годы жизни на новом месте царевна собрала приличную по тем временам библиотеку – более двухсот томов.

Но сфера ее интересов не ограничивалась литературой и театром. Наталья Алексеевна активно занималась благотворительностью, в том числе основала и содержала на свои средства первую в нашем городе богадельню; финансировала строительство православных храмов, а в своем доме на Крестовском острове устроила первую в городе домовую церковь, положив начало хорошей традиции.

*Царевна Наталья Алексеевна.
Картина И. Никитина*

Историк Казимир Валишевский писал: «С сестрой Пет-

ра Великого, Натальей Алексеевной, появляется новый тип – тип артистки, писательницы, провозвестницы женщины-доктора будущего. И в быстром развитии последнего типа в наши дни нельзя не признать исторической преемственности. Но вообще, истории, как и традиции, были скорее неблагоприятны для развития части интеллектуальных способностей в этой сфере».

*Гатчинская мыза. Фрагмент
картины Я. Меттенлейтера*

С именем царевны в России, и конкретно в Гатчине и Пе-

тербурге, связаны первые проявления женской эмансипации.

В 1716 году Наталья Алексеевна умерла, довольно рано, в возрасте 43 лет, и ее загородное имение повелением государя было отдано госпиталю; правда, вскоре царь изменил свое решение и Гатчину приписали к государевой аптеке.

После смерти Натальи Алексеевны с Гатчиной окажутся связаны имена двух незаурядных представителей Петровской эпохи, иностранных ученых, внесших большой вклад в русскую науку, – Роберта Арескина и Ивана Лаврентьевича Блюментроста. Тут необходимо важное уточнение – оба пользовались Гатчинской мызой, не будучи ее собственниками.

Роберт Карлович Арескин (правильнее – Эрскин), архитектор (главный лекарь при государе), шотландский врач, потомок древнего и знатного рода, появился на мызе в 1718 году (как оказалось, ненадолго). В 1716 году он становится лейб-медиком при Петре I и президентом Аптекарской канцелярии, совмещая эти должности с управлением Кунсткамерой и царской библиотекой. Поэтому передача в его пользование Гатчины, находящейся при государевой аптеке, была вполне логичная. Руководство русскими аптеками исстари было привилегией знатных бояр, Арескин стал первым иностранцем, занявшим эту должность.

Эклибрис Р. Арескина

По мнению многих историков, деятельность Р. Арескина была весьма полезна для развития врачебного и аптекарского дела в нашей стране, не имевшей до начала XVIII века национальной научной медицинской школы. Он усовершенствовал работу аптек, ввел строгий отбор иностранных

врачей, желающих работать в России, а также содействовал улучшению подготовки медиков внутри страны. Сопровождая Петра Алексеевича в военных походах, Арескин занимается разработкой обязанностей военных медиков для нового военного устава. По поручению государя Арескин вел переписку со многими известными учеными Европы и касательно приобретения разного рода коллекций для Кунсткамеры, и для поддержания научных контактов с ведущими медиками того времени. В 1717 году архиятр сопровождал Петра в поездке по европейским государствам. Под руководством Роберта Арескина были открыты новые госпитали, лучше организовано снабжение лекарствами существующих лечебных учреждений, появились новые лекарственные препараты.

Будучи врачом общей практики, Роберт Арескин свободное время посвящал изучению минеральных источников, занимаясь исследованиями влияния воды на организм человека. Им открыты и изучены Полюстровские воды. Арескин рекомендовал их к использованию в лечении нервных заболеваний. В 1709 году он, будучи в Москве, собрал гербарий из ста растений, являющийся в наши дни старейшим. Растения смонтированы на листах бумаги форматом 20 x 33 сантиметра с гербовым тиснением. Деятельный врач и ученый скончался в ноябре 1818 года, не дожив и до пятидесяти лет, и был похоронен на Лазаревском кладбище Санкт-Петербурга. В 2008 году в Александро-Невской лавре была открыта

мемориальная доска Р. Арескину – основателю отечественной медицины.

И.Л. Блюментрост

После смерти Р. Арескина в Гатчине обосновался (в 1719 г.) Иван (Иоганн) Лаврентьевич Блюментрост – президент Медицинской канцелярии и аптеки. Он был родным братом Лаврентия Блюментроста, личного врача царевны Натальи Алексеевны, ученика и товарища Роберта Арескина, первого президента Петербургской академии наук. Иван Блюментрост, защитив ученую степень доктора медицины после окончания университетов (учебу оплачивал Петр I) в Кенигсберге и Галле, поступил на службу к государю лейб-медиком, лечил также наследника и младших царевен. Будучи человеком весьма деятельным, Иван Лаврентьевич предложил царю план преобразований в медицинской сфере, что в итоге, возможно, и повлияло на назначение его после смерти Арескина архиятром. При его участии в России появилось множество новых аптек и лечебных учреждений, в 1728 году в Москве была открыта лечебница для проходящих больных при придворной аптеке. Продолжил доктор и работу Арескина по изучению и пропаганде минеральных вод Санкт-Петербургской губернии. С И.Л. Блюментроста началась история Министерства здравоохранения.

Гатчина была уже обустроенным жилым поселением, что подтверждается известным историком города С. Рождественским, который сообщает: «...в августе 1726 года Ека-

терина I, провозжая в Курляндию свою племянницу Анну Иоанновну, избрала гатчинские леса для прощального обеда, сервированного в нарочно устроенных для этого случая палатках. Палатки эти были воздвигнуты под руководством архитектора Растрелли; князь Меншиков, желая сделать угодное Государыни, устроил в этих же лесах небывалое для того времени зрелище „гатчинскую машкараду”, закончившуюся грандиозной охотой».

При Блюментросте, по мнению историка Н.В. Якимовой, в Гатчине возник первый регулярный аптекарский огород, который стал основой для Ботанического сада времен наследника престола Павла I Петровича. Действительно, мыза находилась в ведении аптечного ведомства, и вполне логично, что Блюментрост использовал гатчинские земли для выращивания лекарственных трав, а не только для выращивания хлеба и разведения домашних животных. О большой работе, которую проделал новый владелец Гатчины, говорит его письмо, написанное на высочайше имя спустя двадцать лет: «...той мызы с деревнями собирал своим коштом, хлебом и лошадьми и снабжал скот; заводи и пашни, и сенные покосы расчищал и размножал, и всякое строение наемными работниками строил, и желая, чтоб она была во всяком довольствии, хлеба и скота чрез многие годы малое число в Санкт-Петербургский дом мой брал, а большую часть для хранения и содержания той мызы с деревнями оставлял, отчего себе действительно великий убыток понести принужден

был. А в прошлом же 1732 году <...> та мыза с деревнями и со всем моим довольным награждением и строением, и с винокуренными котлами, с хлебом и скотом, и со птицами, и что ни было без остатку, от меня вышеименованного взята и приписана к дворцовой вашего императорского величества конторе».

Monsieur

un jeune médecin de ma connaissance qui a beaucoup de goût pour la botanique devant aller à Pétersbourg pour avoir occasion de s'exercer dans la connaissance des plantes; je n'ay pas voulu manquer cette occasion de vous assurer de mes très humbles respects et de ma parfaite estime. Je suis bien mortifié que les grandes affaires de sa Majesté Impériale l'empêchent d'exécuter les beaux projets qu'il a formés pour l'avancement des sciences: toute l'Europe savante est dans l'attente de ce qui en doit arriver, persuadée qu'il n'en arrivera rien de grand. Dans mon particulier je suis que S. M. J. peut de beaucoup avancer l'Astronomie en procurant des observations dans toute l'étendue de ses états; et principalement établissant le siège de son astronomie à Moscou, qui faisant ce qui m'en a été rapporté on croit fort propre par sa situation pour les observations astronomiques; j'écris au Roi dans mes lettres précédentes l'espérance que j'aurai de fonder cet observatoire et de régler les observations qui s'y feroient de manière à en faire continuer la correspondance à tous les autres astronomes de l'Europe & servir de centre où se rapporteroient toutes les observations que la M. J. feroit faire dans les différents endroits de ses états par des gens qui se feroient exercer à l'observatoire de Moscou; et de cette manière la M. J. par la grande étendue de ses états pourroit sans enfortir procurer autant d'avantage à l'Astronomie

Автограф и письмо Блюментроста

Тринадцать лет Иван Лаврентьевич Блюментрост пользовался Гатчиной, пока не лишился этой привилегии в 1732 году, когда был вынужден уйти в отставку. В течение нескольких лет Гатчинская мыза стояла бесхозной, пока 28 февраля 1734 года именным указом Анны Иоанновны не была пожалована князю А.Б. Куракину, на сей раз в личное потомственное владение.

Императрица Анна Иоанновна

Новый владелец взялся переустраивать новое имение под свой вкус и для своих нужд и за тридцать с небольшим лет, что Гатчина находилась в его (и его наследников) собственности, преуспел в этом деле.

Князь Александр Борисович Куракин по материнской линии происходил из славного рода, состоявшего в родстве с царями. После получения образования начал карьеру дипломата, продолжив таким образом семейную традицию. Будучи удачливым дипломатом, князь был и весьма искусным царедворцем, особенно в такую непростую эпоху, как царствование Анны Иоанновны, регентство Бирона и правление Анны Леопольдовны, оставаясь при должностях и собственности. И хотя в 1749 году Александр Борисович умирает, Гатчина остается в семье Куракиных еще более пятнадцати лет, пока в 1765 году они не выставят ее на продажу.

В.А. Боровиковский. Портрет князя Куракина

Основные постройки Гатчинской мызы располагались на территории нынешнего Ботанического сада, вдоль дороги, идущей в восточном направлении. Двухэтажный господский дом имел по фасаду восемь прямоугольных окон, а средняя его часть была выделена небольшим портиком с полуциркульными арками, который завершался балконом с типичной для подобных построек балюстрадой. Четырехскатная, довольно высокая кровля здания был прорезана мансардными окнами на боковых скатах. Подобные усадебные дома были весьма распространены в первой трети XVIII века. К дому пристроен дополнительный флигель с мансардной кровлей – так обычно расширяли жилую площадь. Территория вокруг дома обнесена была оградой, а несколько построек были разбросаны по участку на некотором отдалении. Скотный двор на мызе имел вид большого каре, которое замыкали невысокие одноэтажные здания с простой двухскатной кровлей. Углы двора были выполнены в виде квадратных башен с тремя окнами по фасаду и четырехгранными кровлями наверху. И хотя это была хозяйственная постройка, она имела вид небольшой крепости, что традиционно для имений, владельцы которых были членами императорской фамилии либо знатными вельможами. Буквально до XX столетия известные архитекторы строили по заказам двора и знати оран-

жереи и птичники, конюшни и фермы в соответствии с архитектурными пристрастиями эпохи и вкусами клиентов.

В 1765 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости» было опубликовано объявление о продаже Гатчины: «...с принадлежащими ей 20-тью деревнями, лежащими одна от другой в близости; в них по последней ревизии мужеска полу 1180 душ, угодий, пашни, пашенного леса и пересолов 4309, сенного покосу 1183, лесов, 1909, моховых болот 5410, выгону 114 десятин». Все это имущество было оценено в 89 тысяч рублей, и покупатель не заставил себя долго ждать.

Императрица Екатерина II заплатила генерал-поручику Борису Александровичу Куракину требуемую сумму и стала владелицей поместья, которое вскоре подарила своему фавориту, верному гвардейцу Григорию Григорьевичу Орлову, с которым Гатчина обретет свои неповторимость и удивительное очарование, станет первоклассной загородной резиденцией с большим дворцом, уютными садами для прогулок и маскарадов, обширным парком, разрезанным блестящими зеркалами озерных вод, и лесом для настоящей царской охоты.

Но об этом в следующей главе.

Глава 2

Время Орлова

Начало роду Орловых положил Владимир Лукьянович, бывший губным старостой Бежецкого верха во времена Смутного времени. В его ведении было все уголовное судебное производство территории, причем избирались такие чиновники на местах, а утверждались (принимали присягу) в Москве, в Разбойном приказе. В старосты выбирали грамотных дворян, из чего можно сделать вывод, что Владимир Лукьянович Орлов принадлежал к дворянству сравнительно высокого материального положения. Отцом Григория Орлова, как и еще четверых братьев – Ивана, Алексея, Владимира и Федора, был новгородский губернатор Григорий Иванович Орлов, правнук старосты Владимира Лукьяновича, женатый на Лукерье Ивановне Зиновьевой.

О детстве Григория известно мало, с 1749 года был записан в Семеновский полк, участвовал в Семилетней войне, был ранен. Спустя некоторое время после выздоровления появился в столице Российской империи, где познакомился с принцессой Екатериной Алексеевной – женщиной, изменившей судьбу не только самого Григория, но и всей огромной страны.

Их встреча состоялась во дворце. Любовь и политика переплелись в их судьбах, приведя 28 июня 1762 года Екате-

рину II на престол, а Григория Орлова с братьями – к богатству и славе.

После смерти Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 года (5 января 1761 по н. ст.) ее племянник Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский (внук Петра I, сын царевны Анны Петровны) был провозглашен императором Петром III, но не короновался. Он правил всего 186 дней, но за это короткое время умудрился восстановить против себя и своей политики гвардию, церковные круги и большую часть столичного общества. Это вылилось в вооруженный мятеж, к которому, собственно, и готовилась группа офицеров, среди которых были и Орловы. Арест капитана Пассека, одного из заговорщиков, ускорил исполнение намеченного. Трое братьев Орловых, ведомые Григорием, решили действовать, несмотря на то что Н.И. Панин (тоже участник группы) считал их выступление преждевременным. Алексею Орлову было поручено привезти императрицу из Петергофа (император Петр III находился в Ораниенбауме), куда он и прибыл 28 июня около шести часов утра. Екатерина выехала с Алексеем в Петербург, где их встретили Григорий Орлов и князь Барятинский, и все вместе они направились в казармы Измайловского полка, который первым провозгласил ее императрицей. Дальше были семеновцы, преображенцы... В Зимнем дворце Синод, сенаторы и часть правительства полдня присягали новой государыни, а после небольшого совета с главными заговорщиками решено было отправиться в Петергоф и аре-

ствовать низложенного императора.

Г.Г. Орлов

Ближе к вечеру армия, во главе которой верхом на лошади в мундире гвардейского полковника ехала новопровозглашенная императрица, двинулась к Петергофу. Дорога заняла всю ночь, и рано утром они остановились в Троице-Сергиевой пустыни, в Стрельне. Подробности ареста Петра III и отправки его под конвоем в Ропшу 29 июня мы опустим, заметим только, что они заняли почти весь день. Екатерина же отправилась обходить сопровождавшие ее войска. На следующий день она триумфально вернулась в столицу. Еще 3 июля 1762 года в Ропше низложенный император Петр III был убит, кем и как – до сих пор неизвестно. Только по косвенным данным можно делать какие-либо предположения. Датский дипломат Андреас Шумахер в своих мемуарах писал, что Петра задушили ружейным ремнем, а главным убийцей был «высокий и сильный мужчина», это указывает, кстати, на Алексея Орлова, но это только предположение. Среди участников преступления в тот день в Ропше находились (не считая рядовых охраны): подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка князь Ф.С. Барятинский, писатель Г.Н. Теплов, возможно, Н.Н. Энгельгардт, ставший позднее губернатором Выборга, а также актер Ф.Г. Волков (точно не установлено) и Алексей и Федор Орловы, младшие братья Григория. Инициатором и организатором физическо-

го устранения императора выступал Теплов, прибывший 3 июля в Ропшу. Ранним утром следующего дня князь Барятинский передал обер-гофмейстеру Панину секретное сообщение: «Император мертв». Самого Григория там не было, но он всю жизнь нес бремя вины за это убийство и на склоне дней не раз просыпался посреди ночи, повторяя в приступах прогрессирующего безумия: «Наказание мне! Наказание!»

Екатерина II

В день убийства Екатерина получает тайное сообщение о насильственной смерти ее несчастного супруга. Чтобы скрыть имя убийцы, Екатерина отрывает ту часть бумаги, на которой стояла подпись, и мы, возможно, так никогда и не узнаем, от чьей руки пал законный государь России. Но в тот же день ей приходит еще одна записка, подписанная Алексеем Орловым, в которой тот излагает бытовую версию случайного убийства Петра III в пьяной драке: «Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал и как нам задумать поднять руку на Государя... свершилась беда, мы были пьяны и он тоже, он заспорил за столом с князем Федором [Бярятинским], не успели мы разнять, а Его уже не стало, сами не помним, что делали...» Неофициальная версия смерти императора Петр III появляется в обществе практически сразу же после событий в Ропше. И вскоре пойдет гулять по России легенда о чудесном спасении Петра Федоровича, и в огромной стране начнут появляться один за другим самозванцы, собирая крестьянские армии, захватывая города и села, словно напоминая великой императрице, чей престол она занимает.

Император Петр III

Официальное сообщение вышло только 6 июля, в нем сообщалось, что государь скончался в Ропше от «геморроидической колики». Так и останется в учебниках истории неправильная дата смерти Петра III – на три дня позже случившегося.

А.Г. Орлов

Народ в Петербурге ликовал, множество горожан радовались открыто на улицах, крича: «Ваш Бог умер!» и «Его нет более; мы не хотим его более!» Но мало кто из них знал, что смена власти произошла благодаря решительным действиям кучки гвардейских офицеров, главным из которых был Григорий Григорьевич Орлов. Екатерина в письме к Понятовскому от 2 августа 1762 года писала: «Мы были уверены в [преданности] большого числа капитанов гвардейских полков. Узел секрета находился в руках троих братьев Орловых; Остен помнит, что видел старшего, как он всюду за мной следовал и делал тысячу безумных вещей. Его страсть ко мне была весьма известна, и всё им делалось с этой целью. Это – люди необычайно решительные и очень любимые большинством солдат, так как они служили в гвардии. Я очень многим обязана этим людям; весь Петербург тому свидетель».

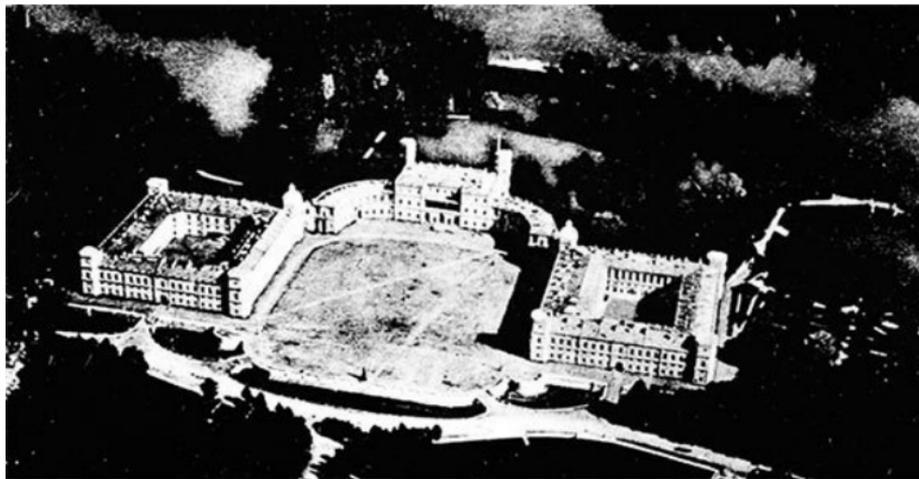
... Вспоминается осень сурова:
Эфес шпаги и блеск на клинке,
И надежные руки Орловых,
Возносящих к престолу – Фике!

Авантюренность, любовь и отвага,
То – для слуха мужского что лесть,
И всегда – тренирована шпага!

Да, еще – неразменная Честь...

П. Галачьянц

22 сентября в Москве, как и положено, состоялась торжественная коронация императрицы Екатерины II. Все эти события объясняют, за что столь щедро наградила Екатерина своего фаворита, подарив ему Гатчину. Конечно, кроме политики и тайны устранения Петра III их связывал и общий ребенок – сын Алексей, с которого пошла графская фамилия Бобринских. Незаконнорожденный, он получил имя своего дяди – Алексея, отчество отца – Григория, но формально был сыном Петра Федоровича, который если и не знал точно, то наверняка подозревал свою супругу в измене с красавцем-гвардейцем.

Дворцово-парковый ансамбль

Первое время Екатерина часто ездила к своему фавориту, которого, между прочим, называла «гатчинским помещиком», одно время эти поездки были ежедневными. Императрица живо интересовалась всеми делами в имении, осматривала новые постройки, с удовольствием гуляла по парку. Как мы знаем, Екатерина любила строить – Санкт-Петербург, Царское Село и Ораниенбаум тому неопровержимые свидетельства, и ее интерес к строительству Гатчины был неподдельным.

Карьера известного царедворца закончилась так же быстро, как и вспыхнувшие чувства между Орловым и Екатериной, как взлет гвардейского офицера на олимп русской политики. С 1772 года Григорий Григорьевич отставлен от государыни, и ему не рекомендовано приезжать в Санкт-Петербург. «...Вам нужно выдержать карантин, и Я предлагаю вам избрать, для временного пребывания, ваш замок Гатчину...» – писала государыня графу. После недолгого охлаждения императрица и ее верный Орлов вновь стали вместе проводить дни в имении, которое 18 июня 1773 года даже стало местом встречи императрицы Екатерины II и ландграфини Каролины Гессен Дармштадской, привезшей в Россию (за счет русской казны) трех дочерей, одна из которых – Вильгельмина, стала невестой цесаревича Павла Петровича. Ото-

беда в поместье у Орлова, государыня и гости отправились в Царское Село.

Императрица Екатерина II на соколиной охоте. С картины В.А. Серова

После 1773 года граф Орлов в основном живет за границей или в Центральной России, и в Гатчине, которую продолжал обустраивать вплоть до самой своей смерти, случившейся 13 апреля 1783 года, уже не появляется.

Еще до начала больших строительных работ в Гатчине Григорий Орлов в письме к французскому философу Жан Жаку Руссо от 1766 года так отзывался о своей мызе: «Мне вздумалось сказать вам, что в 60 верстах от Петербурга у меня есть поместье, где воздух здоров, вода удивительна, при-

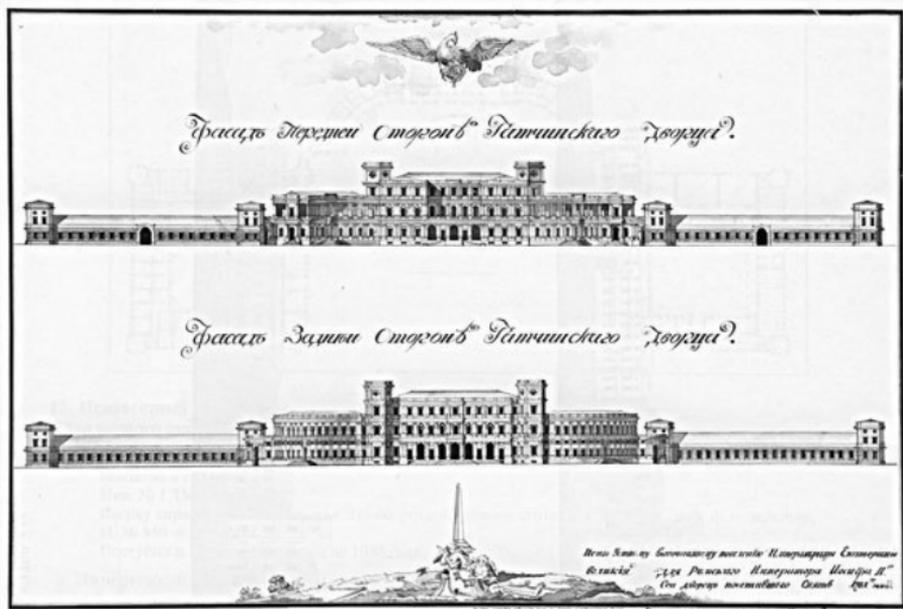
горки, окружающие озера, образуют уголки, приятные для прогулок, и возбуждают к мечтательности. Местные жители не понимают ни по английски, ни по-французски, ещё менее по-гречески и латыни. Священник не знает ни диспутировать, ни проповедовать, а паства, сделав крестное знамение, добродушно думает, что сделано всё». Как видно из текста послания, Гатчина нравилась графу своей тишиной и благодатью, а непосредственность местных жителей, по его мнению, должна была пленять непосвященных в русскую действительность иностранцев. Подарок возлюбленному был по-настоящему царским, и Орлов решил перестроить мызу, превратив ее, как того требовал его, и что особенно важно, ее – Екатерины Великой, статус. Для воплощения задуманного были приглашены архитектор Антонио Ринальди и садоводы И. Буш, Д. Шпарро и Дж. Гакет, которые на протяжении нескольких лет создавали дворцово-парковый ансамбль, вставший со временем в один ряд с Царским Селом, Ораниенбаумом и Петергофом.

Дворцовый парк

Первое, что сделали на территории мызы, – это расчистили лес, приведя его в более или менее приемлемое для прогулок и охоты состояние. Ради последней забавы устроили Зверинец – пейзажный парк площадью 340 гектаров, где в специально выстроенных для этой цели сараях и загонах содержались лоси, кабаны и олени, завезенные из прибалтийских зверинцев и предназначенные для охоты. Екатерина II принимала участие и в егерских, и в соколиных ее разновидностях. Основными объектами ландшафтных преобразований стали два озера – Белое и Серебряное. Следо-

вало укрепить берега этих водоемов и изменить их очертания. Пришлось углублять дно, рыть каналы, насыпать холмы и создавать искусственные острова на Белом озере: Еловый, Сосновый, Березовый, Пихтовый (Круглый), Плавучий. Их соединили небольшими мостиками. В парке был построен летний дворец-павильон: «...огромная деревянная палатка, – это была летняя столовая, обставленная кругом качелями, фортунками, кеглями и прочими играми. Внутренность дворца поражала не столько великолепием, сколько изяществом», – писал знаток истории города С.В. Рождественский.

Большой Гатчинский дворец. Фасады. Проект

В 1769 году в имение к Г.Г. Орлову приезжает ирландский садовод Чарльз Спарроу, создавший удивительный по гармоничности парковый ансамбль. Мастер использовал холмистый характер местности и добавил немного садово-парковых сооружений. При Орлове существовал подземный проезд из Серебряного озера в Белое, ход под землей из дворца к гроту «Эхо», стояли колонна Орла и Чесменский обелиск, а водную гладь озер украшали статуи, тумбы которых были установлены прямо в воде.

Итальянский архитектор А. Ринальди, чей приезд в Россию состоялся предположительно в результате встречи с гетманом Малороссии К.Г. Разумовским, первое время работал в Киеве, а в 1754 году переехал в Санкт-Петербург и занялся строительством в Ораниенбауме. Первые постройки зодчего там не сохранились – театральный дом сгорел, а первый Китайский домик был сломан по приказу Павла I. Существующий ныне Китайский дворец, называвшийся изначально Голландским, зодчий строил в 1762–1768 годах. Свое нынешнее название дворец получил уже в XIX веке. В Ораниенбауме Ринальди построил еще множество зданий, но в 1768 году он оставляет этот гостеприимный пригород и начинает возведение большого дворца на набережной Невы, в конце Миллионной улицы, для графа Г.Г. Орлова.

С 1766 года Антонио Ринальди занимается строительством дворца («Увесилительного дома»), дошедшего до наших дней в сильно измененном реконструкциями виде, хотя и сохранившего в своей основе ринальдиевский план постройки. Он возводит его на холме, на берегу Серебряного озера. Гатчинский дворец был задуман как охотничий замок. Его первоначальный облик легко представить по главному фасаду современного здания со стороны озера – он менее всего подвергся разрушениям и перестройкам. Интерьеры также изменились со временем, и это связано не только с переделками XIX века, но и с колоссальными потерями времен Великой Отечественной войны, когда дворец был разграблен и практически сожжен. Из восстановленных к настоящему времени интерьеров первоначальный вид имеют Белый и Колонный залы. То же можно сказать о Туалетной и Башенном кабинете – комнатах Марии Федоровны. Работами по реконструкции дворца после Ринальди руководил другой итальянский архитектор – В. Бренна, пристроивший массивные корпуса Кухонного и Конюшенного дворов и спрятавший за наружными стенами чудную открытую колонную галерею, располагавшуюся наверху здания. Внутреннее убранство тоже претерпело большие изменения.

Сады в глазах моих обширные картины:
Рисуйте! скаты гор, леса, ручьи, долины,
Игра, и перелив, и живопись цветов,
И бархат луговой, и бахрома холмов;

Вот краска, полотно; вот кисть, располагайте!
Природа ваша вся, старайтесь, поправляйте.

А.Ф. Воейков

Ринальди принадлежат и такие первые парковые сооружения, как Чесменский обелиск из мрамора различных оттенков в честь победы русского флота над турецким в бухте Чесма в 1770 году (брат хозяина Гатчины А.Г. Орлов командовал русской эскадрой) и колонна Орла (она посвящалась самому графу Г.Г. Орлову). Он создал знаменитый грот «Эхо», который завершал подземный ход от дворца к Серебряному озеру, а также заключил в гранитную оправу восьмигранного колодца сильный подземный ключ рядом с этим озером. Ринальди разработал первоначальную планировку парка, взяв за основу регулярные английские сады, и в результате он стал первым в России пейзажным парком. Архитектор занимался разбивкой садов, устройством оранжерей и строительством целого комплекса Зверинца. Поскольку, учитывая гатчинские традиции и особую любовь заказчика к охоте, Ринальди выстроил дворец, как уже упоминалось, в стиле охотничьего замка, то и парк, вернее сказать систему парков, он оформил как большие угодья, которые позволяли в полной мере наслаждаться и охотой, и выездами. Это было весьма кстати, ведь Екатерина, особенно в 1768–1769 годах, часто посещала Гатчинскую мызу, до которой из Царского Села была «прямая» дорога.

*Английский сад. Фрагмент
картины Я. Меттенлейтера*

Устройством сада в «английском вкусе» занимался знаменитый ученый-ботаник, садовый мастер Иоганн Буш, прекрасный специалист по организации пейзажных парков. В своей работе он использовал все богатство и разнообразие гатчинского ландшафта. С ним работают садовники Д. Шпарро, Лев Иванов, Алексей Кряжев, Василий Ползунов, Иван Лебедев. Много времени и сил потратил на Гатчину ирландец Джон Гакет, работавший, правда, в основном при Павле Петровиче.

После кончины хозяина Гатчины Григория Григорьевича Орлова казна выкупает у наследников графа мызу с пятью деревнями в придачу. Через несколько лет, 6 августа 1783 года, по указу императрицы Екатерины II дом со всем имуще-

ством был подарен наследнику российского престола Павлу Петровичу.

«Из купленных Нами, – гласил текст высочайшего указа, – у графов Орловых деревень, состоящих в ведомстве нашего флигель-адъютанта Буксгевдена, повелеваем отдать во владение Нашему Любезному Сыну, великому князю, мызу Гатчину с тамошним домом со всеми находящимися мебельями, мраморными вещами, оружейною, оранжерею и материалами, с 20-ю принадлежащими к той мызе деревнями, мызу новую скворицкую и мызу старую скворицкую, с приписанными к ней деревнями, пустошами и землями...»

*Вот и кончилось время Орлова...
За День – Жизнь пронеслась стороной!
Возрождая и Дело и Слово...
– Будем жить! А сегодня – домой! —
Развернулся кортеж с колесницей
И понесся к Столице, пыля!
И рыдала в карете Царица
Под закат уходящего дня...*

П. Галачьянц

Но остался дворец, о котором этнограф и путешественник И.Г. Георги писал: «Знатной величины дворец, построенный Князем Орловым в виде продолговатого четверугольника, имеет над погребами 3 этажа и в каждом конце маленькую башенку, замок, который выше дворца, и плоскую

кровлю или бельведер, с коего все переменные предметы великой и прекрасной тамошней страны видеть можно, почему знатные особы нередко на башни сии всходят. Дворец снабжен также сделанным г. Надворным Советником и Кавалером Эйлером отводом молнии. На главной стороне соединен с каждым концом, помощью колоннады цилиндрических столпов, из Финляндского мрамора сделанных, четверугольный флигель в 1 этаж вышины, чем составляется перед дворцом четверугольная открытая площадь, перед которой находится расположенный группами лес, с весьма широко просеченною перспективою. Изо всех комнат главной стороны имеется чрез то приятный вид. В четверугольных флигелях находятся жилища дворцовых служителей, кухни и конюшенный двор. Дворец и флигели построены их желтоватых известковых и песошных плит, оставленных в естественном их цвете. При расположении внутренности дворца взирали так, как в Павловске, более на изящный вкус, чем на великолепие; однако же не недостает и великолепия. Кроме библиотеки видны разные древние бюсты, барельефы и пр., а в галерее находятся также три прекрасные копии трех больших картин, изображающих Чесменское сражение и писанных по повелению Князя Орлова живописцем Гакертом».

Глава 3

Наследник престола

С появлением в Гатчине нового хозяина, цесаревича Павла, резиденция становится своеобразным полигоном для его различных нововведений, которые вскоре после восшествия Павла Петровича на престол станут вводиться по всей необъятной стране. Главный смотритель Гатчинского дворца-музея В.К. Макаров точно подметил местную особенность: «„По-гатчински” хмуро и свысока смотрели правители, вышедшие отсюда, на Россию как на огромный плац-парад». Эту же особенность показал и Д.С. Мережковский в своей пьесе «Павел I», где события происходят в 1801 году, перед самым дворцовым переворотом:

«Павел (*махая тростью*). Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два! Ноги прямо, носки вон! Штык равняй, штык равняй! Ноги прямо, носки вон! Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два! (*Уходит.*)

Константин. Гляди-ка, Саша, двенадцать шеренг как равняются. Сам бы король прусский позавидовал. Ах, черт побери, вот это по-нашему, по-гатчински! А все-таки быть беде...

Александр. А что?..»

Тут все зависело от характера наследника престола, его привычек, особенностей воспитания и образования.

Император Павел I

Парад на дворцовом плацу. Акварель Г.С. Сергеева

Жизнь великокняжеской семьи в Гатчине, где она проводила в основном летние и осенние месяцы, была довольно однообразной – Павел Петрович с упоением предавался военному делу, а Мария Федоровна занималась домашним хозяйством или читала. Вставали супруги довольно рано, ино-

гда в четыре часа утра, и, позавтракав, отправлялись каждый по своим делам. Как обычно проходил день в Гатчинском дворце, описала в одном из своих писем сама Мария Федоровна: «Обедаем мы обыкновенно в 4 или 5 часов: Великий Князь и Я, m-lle Нелидова, добрый гр. Пушкин и Лафермьер. После обеда проводим время в чтении, а вечером я играю в шахматы с нашим бодрым Пушкиным восемь или девять партий сряду; Бенкендорф и Лафермьер сидят возле моего стола, а m-lle Нелидова работает за другим. Столы и стулья размещены так же, как и в прошлый 1789 год. Когда пробьет восемь часов, Лафермьер с шляпой в руке приглашает меня на прогулку. Мы втроем или вчетвером (Лафермьер, Бенкендорф, Я и иногда граф Пушкин) делаем сто кругов по комнате; при каждом круге Лафермьер выбрасывает зерно из своей шляпы и каждую их дюжину возвещает обществу громким голосом. Иногда, чтобы оживить нашу забаву и сделать ее более разнообразной, Я и Бенкендорф пробуем бегать на перебежку. Окончив назначенные сто кругов, Бенкендорф падает на первый попавшийся стул при общем смехе. Таким образом убиваем мы время до половины девятого...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.